

СЪЮЗЕН КОЛЛИНЗ

СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ

ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ
РАССВЕТ ЖАТВЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84 (7Coe)-44

К60

Серия «Хиты экрана»

Suzanne Collins
SUNRISE ON THE REAPING

Перевод с английского *Д. Целовальниковой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Intercontinental Literary Agency Ltd.

Коллинз, Сьюзен.

К60 Рассвет Жатвы : [фантастический роман] / Сьюзен Коллинз ; [перевод с английского Д. Н. Целовальниковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Хиты экрана).

ISBN 978-5-17-188670-7

С приближением Пятидесятых Голодных игр страх охватывает все дистрикты Панема. В этом году состоится вторая Квартальная Бойня, и каждый дистрикт обязан отправить в два раза больше трибутов. Хеймитч Эбернети старается не думать об этом, ему хочется, чтобы Жатва поскорее закончилась, тогда он сможет провести время с любимой девушкой и семьей.

Когда называют имя Хеймитча, его привычный мир рушится. Он отправляется в Капитолий вместе с тремя другими трибунтами из Дистрикта-12: девочкой, которая для него как сестра, парнем, зарабатывающим на ставках, и самой заносчивой девушкой в городе. Хеймитч знает, что живым не вернется, и все же продолжает борьбу, понимая, что его главные соперники находятся за пределами смертельной арены...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Suzanne Collins, 2025

© Перевод Д. Целовальникова, 2025

 Школа перевода В. Баканова, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Посвящается Ричарду Регжистеру

«Любая пропаганда — ложь, даже когда говоришь правду.

Но это не важно, если знаешь, что делаешь и зачем».

Джордж Оруэлл

«Правда с умыслом дурным

Хуже, чем любая ложь».

Уильям Блейк

«Для тех, кто рассматривает человеческие отношения с точки зрения философии, нет ничего удивительнее легкости, с которой меньшинство управляет большинством, и безоговорочного смирения, с которым люди поступают с чувствами и страстями в угоду чувствам и страстям своих правителей. Если мы зададимся вопросом, какими средствами достигается сей поразительный эффект, то обнаружим, что, поскольку сила всегда на стороне управляемых, правителям остается уповать лишь на общественное мнение. Таким образом, правительство опирается на общественное мнение — на нем основаны как самые деспотические и милитаризованные режимы, так и самые свободные и популярные».

Дэвид Юм

«Оснований предполагать, что завтра солнце не взойдет, у нас ничуть не меньше, чем оснований ожидать его восхода».

Дэвид Юм

Часть I

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Глава 1

— С днем рождения, Хеймитч!

Если угораздило родиться в день Жатвы, то из плюсов — возможность подольше поспать. Дальше все катится под откос. Едва ли избавление от занятий в школе стоит ужаса, который испытываешь во время жеребьевки. Даже если твое имя не вытащат, то праздничный торт никому не лезет в горло после того, как двоих ребят насильно уволочут на заклание в Капитолий. Я переворачиваюсь на другой бок и накрываю голову одеялом.

— С днем рождения! — Мой десятилетний братишка Сид трясет меня за плечо. — Сам просил побыть твоим будильником! Сказал, что хочешь добратся до леса на рассвете.

Так и есть. Я надеюсь управиться с работой до церемонии и посвятить остаток дня двум занятиям, которые люблю больше всего, — бездельничать и проводить время со своей девушкой, Ленор Дав¹. Мама мне в этом всячески препятствует и регулярно напоминает, что я должен хвататься за любую грязную и трудную работу, ведь зашибить пару монет способ-

¹ Английское слово *dove* обозначает и название птицы (голубь), и название цвета (голубиный). — (Здесь и далее прим. перев.)

ны даже самые последние бедняки. Учитывая, какой сегодня богатый на события день, она наверняка даст мне немного свободы, если я выполню свои обязанности по дому. Разрушить мои планы могут только распорядители Игр.

— Хеймитч! — кричит Сид. — Солнышко встает!

— Ладно, ладно. Я тоже!

Скатываюсь прямо на пол и напяливаю шорты, пошитые из мешка из-под муки, выданной правительством. Пониже спины красуется надпись: «Любезно предоставлено Капитолием». Мама все пускает в дело. Она овдовела совсем юной, когда отец погиб в пожаре на угольной шахте, и вырастила нас с Сидом, заделавшись прачкой и экономя буквально на всем. Зола из очага идет на хозяйственное мыло, растолченные яичные скорлупки — на удобрения для огорода, а из этих шортов когда-нибудь выйдет плетеный половичок.

Заканчиваю одеваться и бросаю Сиду обратно в кровать, где он тут же зарывается в лоскутное одеяло. В кухне хватаю кусок кукурузного хлеба — подарок на день рождения — вместо темного грубого печева, что мы готовим из capitoлийской муки. На заднем дворе мама уже всю мешает палкой в выварке, и ее руки напрягаются, когда она переворачивает горняцкий комбинезон. Ей всего тридцать пять, но жизненные невзгоды уже прочертили на ее лице глубокие борозды.

Мама замечает меня в дверях и утирает лоб.

— Поздравляю с шестнадцатилетием! Соус на плите.

— Спасибо, мам! — Перед выходом из дома я успел заглянуть в кастрюльку с тушеными сливами и положить парочку на хлеб. Сливы мне попались в лесу буквально на днях, и до чего же приятно обнаружить их на плите горячими и сладкими!

— Сегодня нужно наполнить бак, — говорит мама, когда я прохожу мимо.

У нас в кране есть холодная вода, однако напор настолько слабый, что ведро и за сто лет не наполнишь.

Мы собираем дождевую воду в специальную бочку, в которой мама — за отдельную плату — полощет вещи (так они получаются мягче), а для обычной стирки используем колодезную. Даже при помощи Сиды возня с насосом и наполнение бака занимают пару часов.

— До завтра не подождет? — спрашиваю я.

— Вода на исходе, а у меня гора стирки.

— Тогда давай после обеда, — говорю я, пытаюсь скрыть разочарование. Если Жатва закончится к часу и нас в этом году не выберут, я управлюсь с водой к трем и еще успею увидеться с Ленор Дав.

Серые, обшарпанные дома Шлака надежно укрывает дымка. Картина вполне мирная, если бы не вопли детей, которым снятся кошмары. В последние несколько недель, по мере приближения Пятидесятых Голодных игр, этих звуков становится все больше, как и моих тревожных мыслей, хотя я изо всех сил стараюсь им не поддаваться, как бы пытаюсь с ними спорить. *Вторая Квартальная Бойня. В два раза больше детей.* Волноваться ни к чему, говорю я себе, тут уж ничего не поделаешь. *Словно две Голодные игры одновременно.* Повлиять на исход Жатвы или на то, что за ним последует, невозможно. Так что не давай пищу своим кошмарам. Не позволяй себе паниковать. Не потакай Капитолию. Он и так забрал почти все.

Я шагаю по пустой, усыпанной шлаком улице к холму, где находится шахтерское кладбище. Склон загроможден разномастными могильными плитами — от каменных с вытесанными на них именами и датами до простых деревянных досок с облупившейся краской. Мой отец похоронен на нашем семейном участке. У Эбернети — свой клочок земли с одной известняковой плитой на всех.

Торопливо оглядевшись — лишних свидетелей здесь встретишь редко, особенно на рассвете, — я проползаю под забором в лес, который начинается снаружи Дистрикта-12, и направляюсь на винокурню. Гнать са-

могон с Хэтти Минни — занятие рискованное, но это просто цветочки по сравнению с охотой на крыс или чисткой выгребных ям. Она требует от меня выкладываться на полную, да и сама пашет как вол. Хотя старушке хорошо за шестьдесят, она легко даст фору тем, кто вдвое младше. Тяжелой работы много: собирать дрова, таскать зерно, выносить полные бутылки и возвращать пустую тару. Всем этим занимаюсь я — мул Хэтти.

Дохожу до нашего так называемого склада — голой полоски земли под ветвями раскидистой ивы, куда Хэтти выгружает припасы. Меня ждут два двадцатипятифунтовых мешка дробленой кукурузы. Закидываю по одному на каждое плечо и за полчаса добираюсь до винокурни, где Хэтти уже возится возле котла с брагой у остатков костерка. Она протягивает мне деревянную ложку с длинной ручкой.

— Хочешь помешать?

Бросаю мешки с кукурузой под навесом, где мы держим припасы, и торжественно поднимаю ложку.

— Ого, повышение!

Это что-то новенькое — теперь я допущен к браге! Может, Хэтти начала готовить меня к тому, чтобы я стал ее партнером? Если будем гнать вдвоем, то серьезно увеличим выход, а спрос на выпивку всегда больше, чем предложение, даже для той мутной дряни, которую она гонит из capitoлийского зерна. Хороший продукт раскупают солдаты-беспредельщики (то есть миротворцы) и богатенькие жители дистрикта. Бутлегерство запрещено по меньшей мере десятью законами, и если новый глава миротворцев не окажется любителем крепких напитков, то нас мигом посадят в колодки или чего похуже. Работа в шахте, конечно, гораздо тяжелее, но за нее тебя не повесят.

Пока Хэтти складывает пинтовые бутылки с самогоном в корзину, выложенную мхом, я сажусь на корточки и принимаюсь вымешивать брагу. Когда та немного остывает, я переливаю ее в глубокое ведро,

а Хэтти добавляет дрожжей. Я ставлю брагу под навес, чтобы забродила. Сегодня Хэтти перегонкой не занимается, поскольку не хочет рисковать: боится, что дымок привлечет внимание, если туман рассеется. Местные миротворцы смотрят сквозь пальцы на винокурню Хэтти и лавочку в Котле, старом угольном складе, который служит нам черным рынком, но она боится, что нас заметят из планолета их сослуживцы из Капитолия, пролетающие низко над лесом. Таскать бутылки сегодня тоже не придется, так что я приступаю к рубке дров на неделю. Пополнив запасы, я спрашиваю, нужно ли еще что-нибудь сделать, и Хэтти лишь качает головой.

Хэтти расположила меня к себе тем, что иногда расщедривается на чаевые. Получку она отдает сразу моей матери, а мне потихоньку сует какую-нибудь мелочь. Пригоршню дробленого зерна я отношу Ленор Дав для ее гусей, пакетик дрожжей обмениваю на что-нибудь полезное в Котле, а сегодня получил целую пинту самогона для себя лично! Она улыбается щербатой улыбкой и говорит:

— С днем рождения, Хеймитч. Полагаю, раз ты достаточно взрослый, чтобы его гнать, то и выпить можешь.

Я невольно соглашаюсь, хотя и не пью. Бутылка пригодится — ее можно легко продать или даже подарить дядюшке Ленор Дав, Кларку Кармину, чтобы за добрить. Вроде бы сын прачки — существо безобидное, но мы, Эбернети, в свое время были известными бунтарями, и, вероятно, от нас до сих пор веет мятежом, ароматом в равной степени пугающим и соблазнительным. После смерти моего отца пошли слухи, что пожар произошел не случайно. Некоторые говорили, что он погиб из-за диверсии на шахте, другие утверждали, что капитолийские хозяева месторождения специально ликвидировали его бригаду как шайку смутьянов. Так что, возможно, проблема в моей родне. Миротворцев Кларк Кармин особо не жалует, но он

и не из тех, кто рвется с цепи. Или ему просто не нравится, что племяшка водится с бутлегером, хотя работа у меня стабильная. В общем, независимо от причин, от него редко дождешься чего-нибудь, кроме сдержанного кивка. Однажды он заявил Ленор Дав, что такие, как я, умирают молодыми, что вряд ли можно считать хорошей рекомендацией.

Я порывисто обнимаю Хэтти, и она вскрикивает.

— Перестань! Все еще крутишь с той девчонкой?

— Еще как! — отвечаю я со смехом.

— Вот к ней и ступай. Сегодня ты мне не нужен.

Хэтти отсыпает мне пригоршню дробленой кукурузы и машет, мол, иди. Я ссыпаю зерно в карман и срываюсь с места, пока она не передумала и не лишила меня лучшего подарка: возможности побыть с моей девушкой. Знаю, следовало бы вернуться домой и натаскать воды, но мысли о поцелуях не дают мне покоя. Все-таки у меня день рождения, и в кои-то веки бачок может обождать.

Пока я бегу по лесу, туман понемногу рассеивается. Большинство жителей восхищаются красотой Луговины, однако Ленор Дав называет ее прибежищем приговоренных, ведь там можно спрятаться от миротворцев. Ей присущ мрачный взгляд на некоторые вещи... Впрочем, чего еще ожидать от той, кого назвали в честь мертвой девушки? Точнее, половину имени она получила в честь мертвой девушки Ленор из старинного стихотворения, а вторую — в честь оттенка серого, о чем я узнал в день нашей первой встречи.

Это случилось осенью после того, как мне исполнилось десять и я впервые пролез под забором, огораживающим наш дистрикт. Прежде меня удерживал страх перед законом и хищниками, пусть их и мало. В конце концов меня уломал мой друг Бердок, сказав, что ходит в лес постоянно и никого там нет, да еще яблок можно набрать, если умеешь лазать по деревьям. Лазать я умел, яблоки любил. К тому же он был младше, и мне не хотелось выставить себя трусишкой.

— А такое слышал? — спросил Бердок, когда мы углубились в лес.

Он склонил голову набок и запел своим замечательным голосом — высоким и приятным, как у взрослой женщины, только более чистым, без всяких там переливов. Все замерло, и тут сойки-пересмешницы принялись за ним повторять. Я знал, что они подражают другим птицам, но никогда не слышал, как они поют для человека. Здорово впечатляет! И тут на голову Бердока упало яблоко, оборвав пение.

— Кто тут раскудахтался перед моими птицами? — спросил девчачий голос.

А вот и она, футах в двадцати над землей, растянулась на ветке, словно у себя дома. Кривые косички, грязные босые ноги, грызет яблоко, в руке книга в матерчатом переплете.

Бердок покачал головой и засмеялся.

— Привет, кузина. Разве тебе можно ходить сюда в одиночку? Лично мне нет.

— Значит, я тебя не видела.

— Я тебя тоже. Брось нам яблочек, ладно?

В ответ она встала на ветку и принялась подпрыгивать, осыпая нас градом яблок.

— погоди, у меня есть мешок! — Бердок убежал.

Девчонка спустилась по веткам и спрыгнула на землю. Прямой кузиной Бердоку Эвердину она не приходилась, просто со стороны его матери у них были какие-то дальние родственные связи. Я видел ее раньше в школе, — немного застенчивая, вспомнилось мне, — однако даже не разговаривал с ней. Она тоже не спешила со мной общаться, просто стояла и смотрела, пока я сам не нарушил молчание.

— Хеймитч.

— Ленор Дав.

— Как птица?

— Нет. Как цвет.

Голова у меня пошла кругом, и с тех пор Ленор Дав так и продолжает сводить меня с ума. Вскоре она

встретила меня в школе, открыла потрепанный словарь и ткнула пальцем: «Цвет голубиный. Теплый оттенок серого с легким лиловатым или розоватым оттенком». Ее цвет, ее птица, ее имя.

И я стал за ней наблюдать, замечая все больше деталей. Под выцветшим комбинезоном и рубашкой скрывались пятна цвета: то голубой платочек из кармана выглянет, то мелькнет малиновая ленточка, пришитая внутри рукава. С заданием в классе она справлялась быстро, а потом сидела и смотрела в окно, не привлекая к себе внимания. Я заметил, что ее пальцы двигаются, словно нажимая на невидимые клавиши, играют музыку к песням. Туфелька соскальзывала, и ножка в чулке бесшумно притопывала по деревянному полу. Музыка была у нее в крови, как и у ее дядюшек. И в то же время она казалась иной. Ее меньше интересовали приятные мелодии, скорее манили опасные слова. Такие, что ведут к бунтарским выходкам. Такие, за которые ее дважды арестовывали. Тогда ей было всего двенадцать, и ее отпустили. Теперь все может закончиться иначе.

Дойдя до Луговины, я пролезаю под забором и остаиваюсь, чтобы перевести дыхание и полюбоваться на Ленор Дав, сидящую на любимом камне. На солнце ее волосы отсвечивают рыжим. Она склоняется над старинным аккордеоном, выжимая из старых мехов серенаду для дюжины гусей, щиплющих траву, и поет голосом мягким и западающим в душу, словно лунный свет.

*Повесят мужчину и высекут женщину,
Что гуся с общинного луга крадут,
Но гуляет на воле худший злодей,
Что крадет общинный луг у гусей.*

Слышать, как она поет, — особое удовольствие, ведь на публике Ленор Дав этого не делает никогда. Оба ее дяди скорее музыканты, чем певцы, поэтому они просто играют, а пение оставляют публике, если